

Каждый журналист знает, что договориться о встрече с героем — это полдела.

Чтобы не попасть впросак, нужно обязательно знать его биографию, расположить к себе собеседника, заставить его раскрыть душу, получить ответ не фразой-клише, а словом, вынутым из глубины души. Здесь главное — держать нить беседы, вести героя, ни в коем случае не отдавая ему инициативу.

— Практически породниться со своим героем надо, — обычно смеялся Игорь Серых, — тогда это будет интересно телезрителю.

Наташа любила смотреть, как ведет интервью Владимир Познер, и мечтала побывать на его мастер-классе в столице. Она у него училась и восхищалась, как он мастерски задает трудные вопросы, казалось, загоняет гостя в тупик и сам помогает из него выбраться, протягивая сразу обе руки. Уже позже она прочитала, что в журналистике еще никто не превзошел вопросы, взятые из Марселя Пруста — французский двадцатом веке томной эпопеи утраченного времени заполнил анкету, вопросы которой пор считаются самыми оригинальными из существующих.

Ваша самая характеристика?
Какова Ваша мечта о счастье?
Каким Вы хотели быть?
В какой стране Вам хотелось бы жить?
Ваш любимый цвет?

Вопросы обычные, житейские, но нестандартные,

своеобразные и удачные. **Спрашивать про любимый цвет у депутата Сергея Пестерева в ее планы не входило.**

ЖУРНАЛИСТСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ

ЖИЗНЬ В СТЕКЛЯННОМ ДОМЕ

Людмила
ФЕРРИС

— Приду обязательно, суда-

рыня, — улыбнулся депутат.

Девушка ему решительно понравилась. Она напонила ему романтическую Катю Татаринову из любимых «Двух капитанов».

Телефон Пестерева пронзительно зазвенел. Голос в трубке кричал и срывался так громко, что журналистка Петрова остановилась на ходу, услышав слова звонившего:

— Сергей, срочно приезжай на хлебозавод. Туда орвались люди в масках. Женщин паника. Я тоже неезжаю, — это был депутат Александр Сидоренко.

Наташа рванула к редакционной «Ниве», где ее уже ждал Штерн. Машина громко зачихала, как живое существо, и двинулась с места.

Отечественная машина давно была предметом приколов в коллективе, однако Игорь Германович считал «Ниву» единственным достойным отечественным автомобилем, а своего производителя надо поддерживать. Редакция поддерживала, а сам Серых ездил на роскошной иномарке, объясняя просто:

— Когда будете директором, пересядете на другое авто!

— Всегда веселился, в «убитую ласку» он называл мажорантуру!

— Полюбу Рубиневич Золотую Рыбку. Рыбка, как обычно, предлагает три желания. Рубиневич задумался, почесал лысину: «Хочу вместо «Нивы» крутую тачку, дом на Средиземноморском побережье, три миллиона долларов. Это,

Журналистское расследование (Эксмо)

Людмила Феррис

Жизнь в стеклянном доме

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Феррис Л.

Жизнь в стеклянном доме / Л. Феррис — «Эксмо»,
2017 — (Журналистское расследование (Эксмо))

ISBN 978-5-699-95844-3

В небольшом сибирском городе ЧП – во время своего выступления потерял сознание молодой перспективный политик Сергей Пестерев. Экспертиза установила, что на его жизнь кто-то покушался с помощью редкого яда... Рядом с Сергеем в этот сложный период находятся три женщины: вырастившая его любимая бабушка, искательница приключений Марина, страстно стремящаяся за него замуж, и корреспондент местного телевидения Наташа Петрова, ведущая собственное журналистское расследование. Никто из них пока не подозревает, что вскоре судьба всех четверых кардинально изменится, подчиняясь неожиданной, но справедливой логике событий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95844-3

© Феррис Л., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Людмила Феррис

Жизнь в стеклянном доме

Все совпадения с реальными людьми случайны, а события вымышлены

«Негодяи»?! – с изумлением повторила принцесса. – Наш язык полон незнакомых слов! Что такое «негодяй»?

– Это люди, которые только и стремятся, чтобы захватить чужое! – объяснила гувернантка.

– Захватить чужое! – в раздумье повторила принцесса. – Но я не видела у них ничего, даже своего!

Влас Дорошевич «Сказки и легенды»

© Феррис Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Скандалная пресс-конференция

Угорск, наше время

В областном Доме журналиста было холодно, не то что-то случилось с отоплением, не то руководство Домжура решило сэкономить.

– У вас нет отопления? – спрашивал каждый входящий и слышал бодрый ответ дежурного:

– Нет отопления, зато пресс-конференции нынче горячие.

Пресс-конференцию проводили в пятницу, день не самый удачный для подобных мероприятий. Знающие толк в этом деле люди обычно назначают процедуру в середине рабочей недели, но нынешние организаторы были малосведущими в таких тонкостях. В пятницу все нормальные люди, а тем более журналисты, предпочитают не работать, а строить планы на выходные, что можно было понять по репликам проходящих.

– Что там, в клубе, нынче? – интересовалась девушка с почти синими волосами.

– Как всегда танцы, тусня и все до одури знакомые лица, – отвечала ей другая.

– Ну кто в пятницу пресс-конференции о политике проводит, скука смертная, если бы меня сюда просто не вытолкали, ни за что бы не пришла!

У собравшихся журналистов и членов инициативной депутатской группы по отзыву главы администрации города зуб на зуб не попадал. Впрочем, депутатская дрожь могла быть следствием волнения, и холодные батареи тут ни при чем, зарождался новый конфликт с властью города Угорска.

Угорск входил в сорок закрытых территорий страны и подчинялся исключительно Федерации. Времена, когда о городе нельзя было говорить вслух, давно миновали. Городом гордились его жители, а вот жители окрестных территорий город недолюбливали. Поводов для этого было достаточно. Во-первых, во все советские времена «запретка» исправно снабжалась продуктами и промтоварами повышенного спроса. Когда областной центр давился в очередях за приличными сигаретами и вином, в Угорске спокойно попивали «Рислинг» и курили «Мальборо». Во-вторых, атомная станция Угорска добавляла проблем в экологическую обстановку области. Все это и рождало недопонимание между городом и областью.

Журналистов, чуявших свежую добычу, в зале Дома журналиста набилось много. На столике выстроились в ряд и наострили металлические ушки диктофоны, гордо и надменно возвышались телевизионные камеры, прятались за наушники микрофоны, шуршали страничками блокноты. Журналисты – такие милые с виду девочки и мальчики – сидели чинно, в рядок, на стульчиках, перекатывая во рту жвачку, держали диктофоны, блокнотики и авторучки цепкими пальчиками. Эта пауза скоро закончится, исчезнет скука на молодых лицах, а взамен появится азарт и информационный драйв, когда ради «нескольких строчек в газете» или телевизионного сюжета «роются глубокие и мелкие ямки, расставляются силки и петли, зазывают и поют манки».

Депутат Пестерев решил, что пресс-конференцию пора начинать, и обратился к журналистам:

– Уважаемые господа журналисты! Мы пригласили вас по важному поводу. В Угорске создана инициативная группа по отзыву главы городской администрации Якова Ударникова. Мы отдаем себе отчет в том, что происходящее почти невозможно для закрытого города, имеющего ядерную станцию и отличающегося менталитетом послушания, но это наша позиция, и мы ее сегодня аргументируем.

Все, остановить процесс распространения информации было уже невозможно.

Обычным охотникам и не снилось, как в действительности устроен информационный промысел. Журналисты порой рвут свою добычу друг у друга, травят, «стреляют словом» без промаха. В страсти они не пожалеют своих коллег, своих героев, и все ради того, чтобы первыми рассказать новость телезрителям, читателям, радиослушателям.

Троица угорских депутатов, которые проводили пресс-конференцию, заметно волновалась – Сергей Пестерев, Дмитрий Рогалин и Александр Сидоренко не были революционерами и долго взвешивали все «за» и «против», прежде чем решиться на это мероприятие. Механизмы, запущенные полгода назад, сегодня остановить было невозможно, депутаты были уверены, что делают правое дело.

У журналистов блестели глаза, энергетика сенсации разливалась в холодном зале, и становилось жарко от того, что сейчас прозвучат эксклюзивные подробности. Все журналистское нутро напрягалось, собиралось в единый комок, чтобы впитать эту энергетику, а потом выплеснуть информацию людской армии по ту сторону экрана, газетных страниц, дав свою версию представления о жизни.

Журналисты переговаривались между собой на одном, известном только им языке.

– Возьми крупный план, обрежь стол.

– Не надо столько воздуха.

На человеческий язык это переводится так: снимай лицо, крупные детали, стол в кадр не бери, снимай меньше пространства.

А еще журналистская братия, в том числе корреспондент угорского канала Наталья Петрова, ломала голову: отзыв мэра – это серьезно? Процесс вряд ли получится запустить, слишком много препятствий. Зачем пошли на это депутаты?

– Ущипни меня! Оплот ядерного щита, каким был Угорск, начал разрушаться? – шепотом спросила она оператора Сашу Штерна.

– За такие вопросы, Петрова, тебя бы в тридцать седьмом и до тюрьмы не довели. Закатали бы без суда и следствия. Это ты мне скажи, что за карбонии объявились у нас в Угорске?

– Мэр, конечно, у нас... – она подбирала слова, – ...своеобразный очень. Из народа. Скандалов много, опять же, экзотики, но я не думала, что это так далеко зашло.

– У нас директор канала Игорь Серых тоже из народа. Ты представляешь, что бы началось, если бы я стал его отзывать?! Знаешь, сколько у нас странных людей во власти? И ничего, работают. Мужиков жалко, вроде неплохие они, наши депутаты, а только зря они это затеяли, зря, – подвел итог опытный оператор Штерн.

Наверное, Саша прав, и депутатам можно посочувствовать, вляпались. Никто из начальства в области их не поддержит – чиновники осторожны. Но если для чиновника конфликт – это тупик, то для журналиста – питательный бульон, прекрасная среда для интересного материала.

– Надо добить интервью и обязательно связаться с пресс-службой Угорска, узнать их позицию. – Наташа едва успевала делать пометки в блокноте.

– Ты, Петрова, на сериал не замахивайся, у нас в новостях сама знаешь, сколько времени на сюжеты отводится.

– Саша, Саша, я буду работать ресурсно, – «ресурсно» было любимым словом их директора Игоря Серых, что означало: ни на какой материал много времени не тратить, камеру зря не гонять.

– Знаю я тебя, снимаешь час, а потом будешь думать, что с этим делать. Еще два интервью – и точка, сворачиваемся.

Для того чтобы материал о конфликте получился «вкусным», обязательно нужна позиция двух сторон. Работы до выхода в эфир предстояло много.

На обратном пути домой, когда целых два часа можно было отходить от накала прошедшей пресс-конференции и обмениваться мнениями с коллегами, Сергей Пестерев еще раз утвердился, что решение провести пресс-конференцию было правильным, и подбадривал себя:

– По-моему, журналисты хорошо отреагировали, заинтересовались.

– Да они проглотят любую сенсацию. Ну, в общем, мужики, не догоним, так согреемся.

Заговорщики-депутаты, а их было трое из двадцати депутатов совета, решились на создание инициативной группы по отзыву, предварительно проработав многие вопросы. Сама идея возникла в голове Александра Сидоренко, предпринимателя очень средней руки, но человека инициативного. Он возглавлял местный совет предпринимателей, и они не раз обсуждали, что работать без взяток стало ну совершенно невозможно. Все, что касается процедуры отзыва мэра, было действительно из области фантастики. Чиновников от власти сложно сдвинуть с насиженного места – своими законами, постановлениями, распоряжениями власть так укрепляла позиции любого мало-мальского чиновника, попавшего в ее обойму, что никаким группам процесс отзыва был не по зубам. Хотя, конечно, другими законами вводился механизм отзыва руководителей территорий в случае, если судом будут установлены факты нарушения законодательства или неоднократное неисполнение своих обязанностей без уважительных причин. А как узнать, уважительная ли была причина, когда банкротили местный хлебозавод? Ответы будут многовариантные и, конечно, причины все уважительные. Для закрытых территорий установлена особая процедура-референдум.

Депутаты Пестерев, Роголин, Сидоренко не были «оппозицией», и каждый из них хорошо подумал, прежде чем ступить на тропу войны с администрацией. Но каждый понимал, что, если сейчас не устроить публичный протест, какую-то провокацию, болезненную для власти публичную акцию, ничего в родном Угорске не изменится.

Не флешмоб же им проводить в самом деле – шутили они между собой.

Депутаты длительное время вели переговоры с партиями, фракциями, группами, отдельными депутатами, представителями градообразующих предприятий, но все было тщетно: с ними формально соглашались, но им везде отказывали. Им еще предстояло обратиться с документами по отзыву на сессию и получить одобрение как минимум половины народных избранников, что было маловероятно. По процедуре отзыва далее следовал городской референдум, что тоже было сомнительно. Деньги на него просто не выделяют. Если в ходе референдума по отзыву главы ЗАТО наберется более пятидесяти процентов голосов населения, тогда глава покинет свой пост. Депутаты понимали, что их начинания «собиют на взлете», вопрос не наберет на сессии даже положенного числа голосов. Но они делали эту бесполезную работу в надежде, что Государственная атомная корпорация обратит внимание на ситуацию в Угорске. Еще была вера в журналистов, в огласку ситуации. Молодые и наивные политики, они шли по ошибочному пути и изначально знали, что света в конце тоннеля нет. Надо было вызвать огонь на себя и уберечься от пули – такую непростую задачу поставили перед собой депутаты.

Глава 2

Очень запоминающаяся сессия

Угорск, наше время

Сессия горсовета началась в десять утра. Все двадцать угорских депутатов во главе с председателем были на своих местах. На сессии присутствовал и знатный гость – депутат Государственной думы Стас Вабузов. У него как раз по графику были встречи на территориях, поэтому он на территории и находился. Там, в Москве, им тоже надо знать, как живет Сибирь, особенно если это его депутатский округ.

Перед заседанием депутатов встречали пикетчики хлебозавода. На местном хлебозаводе неделю назад началась процедура банкротства. Начальник пресс-службы администрации Александр Греков фиксировал происходящее на камеру и кому-то громко докладывал:

– Стоят! С плакатами! Ничего не нарушают. Плакаты самые обычные: «Не дадим продавать хлебозавод! Верните зарплату! Ударникова – в отставку!»

Тот, кому Греков докладывал, видимо, был недоволен, поскольку бодрый доклад быстро закончился, и потом Греков только обреченно кивал.

Пикетчики отправились в зал с депутатами, обстановка медленно накалялась.

Глава администрации Угорска Яков Иванович Ударников, а подниматься на трибуну с информацией пришлось ему, ощущал нервозность и внутреннюю дрожь, всем своим организмом он чувствовал угрозу. Но утренние консультации и вся предшествующая работа не прошли бесследно, он точно знал, что в российском законодательстве есть лазы и лазейки, которые позволяют легко уйти от ответственности при банкротстве предприятия, при условии, конечно, что за дело возьмутся грамотные юристы. В администрации все продумывалось до мельчайших подробностей, от начала до конца исполняемой схемы: и то, что Арбитражный суд законодательно лишен права информировать органы внутренних дел, и то, что хлебозавод освободили от долговых обязательств, накачали финансами и поставили лояльного управляющего.

Журналист Наталья Петрова, которой досталось место в первых рядах зала, едва успевала фиксировать основные постулаты в речи Ударникова и готовилась к вопросам, которые обычно можно задать в перерыве, и не забывала общаться со Штерном.

– Ты начало отчета запиши, а там посмотрим.

Пока что в аудитории солировали депутаты, люди, которые всегда провозглашали, что защищают интересы народа. На самом деле городской депутат может нынче немного – бюджетом он не распоряжается, только голосует «за» или «против». Наказы избирателей – отремонтировать дворы, положить асфальт, сделать дорогу или детский городок – он выполнить не в состоянии, потому что на все требуются деньги. Вот и остаются наказания, собранные депутатом в период выборной кампании и аккуратно пылящиеся в папочке с надписью «Просьбы избирателей». Народные избранники пишут власти просительные письма, объясняют, пытаются защитить бюджет своего двора и выпросить денег. Просителей, как водится, у власти много, поэтому она сама выбирает, кому что дать. Власть реагирует на просьбы не всех депутатов, а только покладистых, которые поддерживают предложения мэрии. Неудобных и своенравных в этом составе совета было больше половины.

Сергей Пестерев под одобрительный гул пикетчиков задавал с места вопросы мэру.

– Прошу предоставить депутатам все документы по кредитной линии хлебозаводу.

– В этом есть необходимость? Предоставим. – Яков не сдавался.

– Какая задолженность на хлебозаводе по зарплате? – продолжал Пестерев.

На этот вопрос Ударников ответить не успел. Депутат Пестерев покачнулся, захрипел и упал на стол. Громко закричала помощница Кира, потом смолкла, будто ей засунули в рот

кляп. Кто-то пытался делать Сергею искусственное дыхание, кто-то вызвал «Скорую». Наташа подскочила к Пестереву и едва смогла, такими тугими показались пуговицы, расстегнуть на нем рубашку и развязать галстук. Она видела, что Сергей едва дышал, а его правая рука сжималась в конвульсии. Ее вдруг накрыло оцепенение, ноги стали ватными, не выпуская из рук блокнота, она не отрывала взгляда от его белой с голубыми прожилками руки.

Депутаты шумели: «Что такое? Где «Скорая»?!»

– Кира, что сказали – когда будет машина?

Наконец приехала машина «Скорой помощи». Пожилая женщина-врач выглядела уставшей:

– Расступитесь, пожалуйста, граждане депутаты!

– Пульс прощупывается слабо, скорее всего это сердечный приступ. Более точная причина будет устанавливаться.

Она ввела лекарство, да так, что оно почти запенилось в шприце, хлюпнуло и плавно исчезло в руке Сергея.

– Носилки помогите в машину снести!

В обмороке, бледного, как лист бумаги, депутата быстро погрузили на каталку, и машина уехала. Депутат Госдумы Вабузов растерянно топтался в зале.

– Ну и сюрпризы преподносит родная территория!

Председатель поднялся на трибуну.

– Дальнейшую работу сессии считаю нецелесообразной. Ставим вопрос на голосование.

Сессию прервали, да и кому в голову придет обсуждать скандальное банкротство, когда депутаты просто падают на своем рабочем месте? Все грустно расходились, обсуждая случившееся. Пикетчики тоже затихли, зашуршали, сворачивая свою наглядную агитацию, и тихо удалились, так и не получив ответа по хлебозаводу. Остался доволен только Ударников.

«Сегодня пронесло, пролетело, а что будет завтра, посмотрим. Бог на твоей стороне», – говорил ему внутренний голос.

Депутат Рогалин недоумевал:

– Мы вместе шли на сессию, что могло вызвать приступ? Не понимаю. На сердце он никогда не жаловался! Пошли, журналистка, до больницы, – обратился он к Наталье.

– Да, конечно, Дмитрий, но для того, чтобы нам что-то в больнице сказали, должно пройти время. Сейчас никто с нами и говорить не будет.

– Пожурим – увидим. У нас там родственные прихваты имеются. Пошли!

Приемный покой напомнил Наташе телеграф. Находящиеся там люди звонили, быстро передвигались, что-то помечали на многочисленных бумажках непонятными кодами и говорили, говорили, словно передавали срочную информацию.

В приемном покое-телеграфе больных не было.

Дмитрий Рогалин позвонил, и через десять минут из стеклянной двери выскользнула симпатичная молодая женщина-врач.

– Дима, привет. Как мама? – Она явно была с ним хорошо знакома.

– Нормально, нормально. «Олечка Николавна», что наш депутат?

– Ой, Рогалин, дело ваше депутатское пахнет керосином. Мы уже сообщили в милицию. Отравление. Каким ядом, выясняем. Больной в тяжелом состоянии, в реанимации. Больше пока ничего сказать не могу.

– Яд? Какой яд? Откуда он мог попасть в организм? – включилась в разговор Петрова.

– Это только компетентные органы могут сообщить, после расследования. Наша задача медицинская – жизнь ему спасти. Звоните к вечеру, может, будут какие новости. – Врач исчезла за дверью.

С депутатом Дмитрием Рогалиным они вернулись назад, в городской совет. В маленьком кабинете важного городского органа самоуправления уже расположились следователи, среди

которых была молодая женщина Лариса Сокольская. Новость о происшествии разносилась с космической скоростью, обретая по пути новые версии.

– Пестерева пытались убить!

– Пикетчики блокировали работу сессии, и Пестереву стало плохо.

– Пестерев упал во время доклада Ударникова.

Очевидцы – депутаты, журналисты, техническая служба протокола – мало что могли рассказать. Все опрашиваемые отмечали особенную повестку сессии, говорили про пикетчиков, про то, что Пестерев собирался выступить на сессии с обличительной речью по хлебозаводу. Однако ни доклада, ни заметок-пометок по этой теме у стола пострадавшего не нашли. Журналистов тоже опросили. Единственная видеокамера оператора Саша Штерна зафиксировала Пестерева за десять минут до происшествия. Потом все сосредоточенно снимали выступление мэра.

– Вы наблюдали за депутатом Пестеревым, – обратилась Сокольская к Наташе.

– Нет, ни за кем я не наблюдала. Я на работе была, с редакционным заданием, сделать репортаж о внеочередной сессии горсовета. Пестерева видела со спины. Сегодня с ним не общалась. Зашла в зал, когда сессия уже началась.

– Не заметили чего-то необычного?

– Разве что пикетчиков много. – Наташе хотелось помочь женщине. Надо искать, кто его отравил, – но это вслух она сказать не может. А то придется объясняться потом, откуда она, журналист Петрова, обладает столь конфиденциальной информацией об отравлении.

Уже вечером она набрала телефон знакомой Рогалина – «Олечки Николавны».

– Здравствуйтесь. Это Наташа Петрова, я с депутатом Рогалиным к вам приходила. Могу я узнать о здоровье Пестерева?

– А вы ему кто?

– Я всему городу Угорску журналист местного телевидения.

– Как журналисту вам надо к главврачу. Но раз вы приходили с моим кузенком Димой, скажу, что состояние больного стабильно тяжелое. Мы предполагаем, что депутат был отравлен глюкозидом наперстянки, у нас недавно был похожий случай. Это всего лишь предположение. Но это не для прессы, Наташа, только для вас.

– Спасибо, Оля.

– Дня через три, думаю, ему будет легче. Возможно, из реанимации его переведут. Звоните. Я ваши материалы по телевизору смотрю, вы мне нравитесь своей искренностью. Уж не подведите меня. Еще раз повторюсь, информация не для прессы.

– Я ничего не понимаю про яд. Какие-то тайны, отравления, как во Франции при Людовиках, – растерянно прошептала Наталья.

– Вы не переживайте, воздействие яда на человека зависит еще от его организма. У вашего депутата организм крепкий, сибирский. – И «Олечка Николавна» отключила трубку.

– Что же теперь будет? – Наталью обуяла паника.

– Во-первых, надо успокоиться, во-вторых, изучить обстоятельства происшествия. Для начала найду в Интернете, что это за яд такой, откуда он появился – и думай, думай, Петрова, кому Пестерев так понадобился. Убить его хотели или испугать? А может, просто «задвинуть» его выступление на сессии? Кто и когда угостил его этой наперстянкой? – Она пошла к компьютеру.

На просторах Интернета о глюкозиде наперстянки нашлось аж сорок пять тысяч ссылок, включая картинки. Оказалось, это род травянистых растений, принадлежащих семейству подорожниковых. Вещество дигиталис, выделенное из наперстянки, – препарат для лечения сердечной недостаточности, при передозировке он является опасным ядом. Распространена наперстянка в Средиземноморье, а называется так потому, что соцветие у нее в форме венчика. К этому добавлено, что стебли у нее жесткие, высокие, листья цельнокрайные, острые,

цветки неправильные, чаще крупные, желтые, пурпурные, рыжеватые. Вот как-то так. Растет себе на просторах рыжий цветочек, не подозревая, что в нем копится и зреет яд, смертельный для человека.

– Почему природа решила так отыгаться на венчике? Как он попал к Сергею? – Ни на один вопрос ответа пока не находилось.

– Раз ему ничего не угрожает, можно передохнуть. Завтра, обо всем буду думать – завтра. Контакты, встречи последних дней. Думаю, что Сергей сам мне поможет это восстановить. – Она успокоилась, и тут зазвонил телефон. Его табло моргало и высвечивало имя «Светка».

Глава 3

Наташа

Женщина должна всегда оставаться женщиной, даже тогда, когда ей кажется, что нет для этого никакой возможности. Мужчины неизменно ценят женщину домовитую, знающую наизусть сотни рецептов приготовления борща и пельменей, терпеливую, мужа по пустякам не терзающую. Женщина не должна требовать денег и обращать внимание, когда он провожает взглядом проходящие мимо стройные ножки. Наташа понимала, что далека от мужского идеала и лучше бы ей научиться вывязывать красивые узоры крючком и увлекаться целительными методиками, не спорить с мужем Димой о политике и продолжать делать вид, что у них замечательная семья. Она и так старалась делать это настолько долгое время, изо всех сил совмещая дом и работу, что отказывалась от интересных съемок и материалов. Ее коллега и партнер по телевидению оператор Саша Штерн тонко подметил:

– У тебя, Наташка, нет душевного равновесия, ты все время качаешься, как маятник, между домом и работой.

Она промолчала, это было обидной правдой.

– Найди у себя кнопку переключения «работа – дом». Иначе зайдешь в тупик.

– Быть или не быть – таков вопрос?! – ответила она шекспировской фразой. – Выбор делает каждый. Я стараюсь, Саша!

– Я тоже выбираю каждый день, что купить – «Балтику» или «Клинское», – ввернул он и засмеялся, довольный своей шуткой.

Дома у Натки все оставалось по-прежнему. Муж совсем не хотел понимать, что работа для нее – это не только деньги, семейный доход, но и ее самореализация, развитие. Наташина работа мужа раздражала – когда она была студенткой филфака, милой наивной девочкой, и с восхищением смотрела на почти состоявшегося физика-мужа, это была одна история. Но когда она сама устроилась на телевидение, прошла жесткий кастинг, стала журналистом, которому поручали ответственные материалы, возникла совсем другая история, и мужу она категорически не нравилась. Наташа так хотела доказать ему, что она не просто «филологишка», как звали физики их девочек с факультета, а талантливый журналист! Директор местного Угорского телеканала Игорь Серых всегда говорил:

– Журналист получится из тебя тогда, когда ты будешь пропускать каждого своего героя через свою душу, оставляя с ним частицу себя. Это больно, затратно, не каждому по плечу, – и добавлял: – «Взвесь свои силы, девочка, чтобы не порваться».

Она взвесила и «рвалась на британский флаг», дружила со своими героями, вникала в ситуации, освоила операторскую работу. Дома она так хотела рассказать мужу о своих успехах, героях, их истории и как она, журналист Петрова, помогла одному добиться, чтобы чиновники пересчитали пенсию, другому – получить бесплатное лекарство, с третьим – просто поплакала вместе, записывая рассказ о его военной молодости! Но как только Наташа натыкалась на его отстраненный и холодный взгляд, желание исчезало.

«В другой раз! В другой раз – обязательно!» – каждый раз давала она себе слово.

Жизнь немного поменяла формат, когда в их семье появилась восьмилетняя Маруся, племянница Наташи. Старшая сестра год назад умерла от онкологии, жила она без мужа, и девочка осталась одна.

– Мы ведь заберем Марусю к себе?

Дима пожал плечами:

– Мы еще сами не пожили.

– Но я не позволю, чтобы при живой тетке Мусю отдали в детдом!

- Как знаешь. – Он вроде и не возражал, и не давал согласия.
- Дима всегда был чем-то недоволен и постоянно делал Натке замечания.
- У тебя очень короткое платье.
- Ты плохо пропылесосила под диваном.
- Капуста в борще сильно разварена.
- Ты слишком вульгарно накрашена.

Натка не хотела конфликтов и опять старалась – меняла платья, повторно пылесосила и совсем перестала краситься. Дима не обижал Марусю, но был к ней бесчувственно и безучастно холоден.

Наташа пыталась создать семейный уют в их квартире. Большая квартира когда-то принадлежала ее родителям, и они несколько лет жили вместе. Наконец папа и мама, заработав положенную пенсию на ядерном заводе родного города Угорска, что находится в Сибири, решили переехать на родину отца в Краснодар, где купили в станице домик. Первый год родители очень скучали по Угорску, по многоснежной зиме, по морозам и сугробам. Они говорили, что в Сибири совсем другой воздух – с запахом тайги, трав и осенних дождей. В новых краях пахло необычно для них и по-другому – спелой вишней, розами и жасмином. Родители привыкали тяжело и часто звонили.

– Ната, здесь столько абрикосов! – восторженно кричала в телефонную трубку мама, когда-то так сильно любившая сибирские ранетки. Она вообще была человеком позитивным, восхищалась по поводу и без повода. Мама обожала папу, Натку и жизнь.

– Доча, это не абрикосы, а жерделы, дикие абрикосы. Мама удивляется, что они растут прямо на улице, – говорил обстоятельный папа и с грустинкой добавлял: – Самые лучшие люди все-таки сибиряки! Как Муся? Поцелуй ее от нас и привезите наконец внучку в наши теплые края.

– Хорошо, что родители далеко, – думала Наташа. – У них все сложится, они славные. Главное, они не видят, как кренится набок ее семейный корабль, как бесследно исчезли романтика в отношениях и внимание со стороны мужа. Ей было бы тяжело объясняться с ними.

Муж подчеркнуто демонстрировал абсолютное безразличие к ее кипучей деятельности и назидательно говорил:

– Как только ты заходишь домой, забывай о работе. У тебя нормированный рабочий день.

Это как раз у Наташи не получалось – постоянно звонили из редакции, совета ветеранов, общественных организаций, общества защиты животных, пожарной части и других городских служб, которые не знали, что после восемнадцати часов у журналиста Петровой начинается «домашний час» и все контакты с внешним миром прекращаются.

– Ну почему ты так реагируешь? – Наташа пыталась объяснить с мужем. – Не получается у меня выкинуть работу из головы, журналистика – это образ жизни. Если я одна дома, а другая на работе – это уже раздвоение личности, такое, знаешь, удобное состояние рассудка. Это не для меня.

– Я тебе уже все сказал. – Муж был ультимативен и немногословен.

На своей работе он уверенно поднимался по карьерной лестнице, каждый день требовал чистую рубашку, постоянно задерживался, совещался, ездил в командировки. Наташа старалась не шуметь, не мешать, когда он работал дома. Себе он это позволял. Она пыталась найти логику в «американских горках», коими стали их отношения. Когда-то это было полетом в небо, а сейчас превратилось в свободное падение на землю. Логике не было, была какая-то абстрактная схема, которая переходила в бессмысленный хаос.

Когда Натке становилось совсем грустно, она любила вспоминать, как он ухаживал за ней в институте: каждый день приходил в общежитие, на скромную стипендию покупал удивительно белоснежные ромашки с золотой серединкой. Наталья с девчонками потом гадали, любит-не-любит, и всегда у нее выходило, что любит.

– Как он на тебя смотрит! – щебетали подружки, и она соглашалась.

Они бегали вместе на вечерние сеансы в кинотеатр «Победа», потом горячо обсуждали фильмы, ездили обедать в пельменную на другой конец города, гуляли по набережной, ходили в походы, пели песни под гитару, и все вокруг восхищенно говорили: «Какая пара!»

Наташа привыкла себя убеждать, что семейные трудности – явление временное. Теперь иллюзии давно растаяли, осталась только безысходность, которая изо дня в день разъедала душу.

Смыслом жизни для нее стала восьмилетняя племянница Маруся. Последние недели Муся увлеклась куклами-монстрами. Наташа все время пыталась оградить ребенка от негативных персонажей фильмов ужасов и фантастики, но получалось плохо. Да и невозможно противостоят легендам и историям, подкрепленным мультсериалами, книгами и даже индивидуальными дневниками, над разработкой которых трудились известные художники.

– Ната, посмотри, как я покормила Катрин де Мяу, она любит пирожное.

– Девушка-кошка – это круто, ты говорила, сколько ей лет?

– Четыреста пятнадцать.

– Нам по продолжительности жизни надо стремиться за Монстер Хай.

Зачем люди изобретают монстров? Для того, чтобы объединиться и выжить? Подражать им? Сдерживать своего монстра внутри? Развить свою фантазию?

Она взяла в руки стройную Катрин де Мяу – милое создание внешне ничем не напоминало чудовище, у нее был маленький хвостик и ушки.

– В чьей душе восстал монстр, когда пытались убить Пестерева?

Глава 4

Следователь Лариса Сокольская

Угорск, наше время

Вот этого ей, конечно, не хватало для полного счастья – попытки убийства местного депутата и шума, который вокруг происшествия обязательно поднимется! Лариса не любила политику, вернее, политика ее напрягала, потому что ждать от этого можно было все, что угодно. Конечно, она хотела бы походить на следователя Каменскую, которая мгновенно раскрывает сложные преступления. Впрочем, и непосвященному понятно, что женщины, играющие следователей, – актрисы, и следователями они становятся на несколько часов или дней, что же им не раскрывать преступления мгновенно?

Почему-то считается, что женщина-следователь, проработавшая какое-то время в органах, обязательно станет мужеподобной, прекратит расчесываться и красить губы. Это было не про Ларису, она оставалась женщиной интересной, с кудрявыми рыжими волосами и синими глазами. Конечно, работа наложила отпечаток на ее характер и образ жизни. Лариса вообще забыла о свободном времени, о собственной безопасности. Следователь Сокольская заполнила личное пространство работой с утра до ночи, выездами на трупы, убийства, общение с уголовниками, общение с родственниками как преступников, так и потерпевших. Лариса привыкла к постоянным вызовам на службу среди ночи, круглосуточным дежурствам и планам по раскрытию. Семьи у нее не было, не сложилось, семьей была она в единственном числе и поэтому могла, лежа дома на диване, думать о делах служебных.

– Что мы имеем на сегодня? Очень много свидетелей: депутаты, пикетчики, которые сидели в зале, журналисты, работники аппарата и даже сам депутат Государственной думы Вабузов, которого какие-то шальные политические ветры занесли в город Угорск, на сессию городского совета.

Лариса видела Стаса Вабузова раньше только по телевизору, в жизни он оказался гораздо приятней – с открытой улыбкой и искренним желанием помочь следствию. Чтобы не задерживать заезжего гостя, Лариса начала его опрашивать первым.

– Я сидел за центральным столом вместе с председателем и слушал доклад главы Угорска.

– А вы часто бываете в Угорске? – Ей показалось, что он посмотрел на нее с сочувствием – мол, не понимает провинциалка движений большой политики.

– Я бываю здесь два раза в год – город входит в мой округ. На сессии вот впервые.

– А вы знали о повестке дня? Об отзыве?

– Конечно, знал, поэтому и приехал, меня просили из областной администрации вникнуть в ситуацию, разобраться. Люди всегда недовольны властью, слишком много вопросов жизни территории замыкается на ней.

– А давно вы являетесь депутатом Государственной думы? – Она не могла сообразить, на сколько лет избираются в Госдуму. Вабузов как будто прочитал ее мысли и мягко проинформировал:

– Депутаты Госдумы избираются сроком на пять лет, я работаю уже четыре года. Простите, что помочь вам ничем не могу – я видел, как упал депутат, потом его обступили, потом приехала «Скорая», она-то его и забрала. В общем, и все, наверное, пользы в моих показаниях нет.

– А у вас есть предположения, почему могли покушаться на жизнь Пестерева?

Он ответил ей, как будто прочел политинформацию.

– Вы же знаете, что в нашей стране много случаев, когда от рук преступников погибают российские общественные и политические деятели, и преступления раскрываются далеко не всегда.

– Спасибо, что напомнили.

– В вашем, то есть в нашем, случае человек остался жив, и слава богу, а потом, я просто уверен, вы это преступление раскроете.

Все остальные свидетельские показания были просто типовыми, словно написанными под копирку.

– Видели, как падал, видели, как «Скорая» увозила.

На трибуне в это время делал доклад глава администрации Ударников, значит, надо его тоже опросить. Ох, Лариска, политика – это когда говорят одно, делают другое, думают третье. Кто-то же покушался на жизнь и здоровье Сергея Пестерева! Из больницы о своих предположениях ей сообщили – отравление глюкозидом наперстянки, но ей нужны результаты исследования из криминалистической лаборатории.

Откладывать встречу с Ударниковым было нельзя, и она с четвертого этажа, где заседали депутаты, спустилась на второй, в кабинет главы.

У каждой секретарши, которая сидит в приемной, свои принципы. Одни секретарши молчаливые и ни слова не скажут о своем шефе, другие разговорчивые, но сходство между ними в том, что они знают о своем начальнике все. Дамочка в приемной напряглась, увидев незваную гостью.

– Яков Иванович никого не принимает, у них ЧП случилось на сессии.

– Так я как раз по этому поводу. – Лариса достала служебное удостоверение. Секретарша недовольно поджала губки.

– Я сейчас доложу, – и через минуту вернулась: – Проходите.

С главой администрации Угорска следователь Сокольская лично, что называется, знакома не была.

– Сколько сегодня новых персон в твоём расследовании! – пошутила над собой она.

– Я ничего не знаю! – с порога резко заявил Яков Иванович.

– Здравствуйте, Яков Иванович. Меня зовут Лариса Сергеевна Сокольская, я следователь.

– А, ну здравствуйте.

– Мы можем с вами побеседовать?

– Я же сказал, что ничего не знаю.

Лариса не теряла самообладания. За свою следовательскую деятельность она повидала немало вот таких резких, недовольных и возмущающихся. Рецепт был один: спокойствие, только спокойствие.

– Яков Иванович, все-таки из нас двоих мужчина – это вы.

– Ну и что? А допрашивать же вы меня собираетесь, несмотря на то, что вы женщина.

Запасы терпения у Ларисы не заканчивались.

– Я пришла с вами побеседовать – уловили разницу?

Он не хотел ни беседовать, ни видеть ее в своем кабинете. Лариса это понимала, но уходить не собиралась, а, наоборот, присела за длинный стол.

– Давайте мы не будем отнимать друг у друга драгоценное время. Я, конечно, могу вас завтра пригласить повесткой, но зачем?

– Хорошо, спрашивайте.

– Насколько для вас была рискованной ситуация с отзывом мэра? Вас действительно могли отозвать?

– Нет, не могли. Это местные бузотеры, поговорили бы и успокоились.

– То есть политической опасности Пестерев для вас не представлял?

– Ну какая большая политика в маленьком городе! Нет у нас никаких политических опасностей, это вам не Москва.

Яков Иванович в течение всего разговора заметно нервничал и очень хотел, чтобы Лариса Сокольская побыстрее покинула его кабинет.

– Я вам не помешаю? – В кабинет быстрым шагом зашел мужчина.

– Мне хотелось бы пообщаться с Яковом Ивановичем без посторонних.

– Это не посторонний, это руководитель аппарата нашей администрации, – сразу оживился Яков Иванович. – Проходи, проходи!

– Семен Палыч Чистов, – представился вошедший, и она почувствовала, что настроение у мэра, да и энергетика в кабинете буквально изменились. Яков Иванович расправил плечи, даже стал как-то выше ростом и уверенней. Прибежавшая секретарша поставила чашки с чаем и открыла коробку конфет.

– Надо гостей хорошо встречать, особенно таких очаровательных женщин, – произнес Семен Палыч. – Что же ты, Яков Иванович! – попенял он Ударникову.

Чистов буквально раздевал Ларису взглядом, он так провел глазами по изгибам ее тела, что она поежилась и подумала, что в поле его зрения обнажена куда больше, чем когда просто снимает одежду. Сокольская сделала вид, что ничего не замечает.

– Семен Павлович, а вы были на сегодняшней сессии?

– Нет, я был у начальства в области, такие дела пропустил! Так Пестерева пытались убить?

– И ты туда же! – Ударников подскочил на месте. – Да сердце, наверное. Я как раз на трибуне стоял, а Пестерев поднялся вопрос задать, покачнулся и упал. Я даже сразу и не понял.

– А какие отношения, Яков Иванович, были у вас с пострадавшим Сергеем Пестеревым?

– Да никаких особых отношений. Депутат и депутат, не хуже и не лучше других.

– Наверное, надо уточнить, – вмешался Чистов. – Пестерев – депутат активный, всегда на сессиях выступает.

– Про его инициативу по отзыву мэра знали все?

– Я вас умоляю! – Чистов явно хотел ей понравиться. – Он в области пресс-конференцию проводил со своими друзьями. Об этом только ленивый не знал.

– Я, представьте себе, до сегодняшнего дня не знала!

– Но вы, наверное, только протоколы читаете, а телевизор не смотрите?

– Редко, – созналась Лариса.

– Не было здесь никакого секрета!

– А у вас, Семен Павлович, есть версии, кто мог желать смерти Пестереву?

– Почему сразу смерти? Он ведь живой? Пусть полежит теперь в больнице, здоровье свое проверит. Депутату необходимо железное здоровье.

– И все же, были у него здесь враги? Если он предлагал провести процедуру по отзыву мэра, можно ли считать, Яков Иванович, что он был вашим врагом?

– Нет, нельзя! – закричал Ударников. – Знаете, сколько желающих скинуть меня с этого кресла? – И он постучал по мебели.

– А весь список желающих вы могли бы огласить?

– Лариса Сергеевна, мэр у нас нынче переутомился, на него произвело сильное эмоциональное впечатление то, что произошло на сессии. Вы уж его строго не судите. У него переживания по поводу заговора – ну, я отзыв имею в виду, политические интриги некоторые плетут, без них никак, ни одна власть не существует, вот и нервничает он почем зря.

– Меня интересует конкретно депутатская деятельность Сергея Пестерева.

– Ну, это надо у его коллег спрашивать, мы со всеми депутатами, уж извините, на расстоянии.

Лариса поняла, что разговор нужно заканчивать. Яков Иванович, если что-то и знает, при Чистове не скажет никогда, и сегодня он действительно на нервном взводе, хотя, может, это и его обычная практика. Лариса прежде с мэрами так не общалась и чай не распивала. А вот что за фигура Семен Палыч Чистов – это интересно, у него просто безграничное влияние на мэра, тот даже смотрит на него заискивающе. Если кто мастак плести интриги, так это он, Семен Павлович, и повадки у него самые что ни на есть коварные.

– Я вас заинтересовал? – взглядом спрашивал Чистов и снова сверлил ее глазами.

– Если у меня будут вопросы, я вас приглашу для беседы.

Когда дверь за ней закрылась, Чистов заорал на Ударникова:

– У тебя удивительное качество – делать из людей врагов! Что, нельзя было перед этой бабой прогнуться? Тебе нужно, чтобы эта рыжая не вылезала из твоего кабинета и покопала здесь поглубже?!

Глава 5

Яков Ударников

Яков Ударников уже два года был главой закрытого города Угорска. Закрытые города жили как бы отдельно от страны, своей провинциально-секретной жизнью. Здесь также принимали в пионеры, рожали детей, клялись в любви, но об этой бурной жизни в секретке на Большой земле знали наверняка только избранные в министерствах. Так бы, может, и оставались «запретки» белыми пятнами на карте страны, но грянула перестройка, и перестраиваться начали все, в том числе Госатом, где вдруг вслух заговорили:

– Не расточительство ли это – содержать такие города, когда секреты вроде бы уже перестали быть секретами?

Перестройка закончилась, а решение по закрытым городам так и не было принято. Человечество проникало все дальше в космос, составлялись карты Солнечной системы, звезд в соседних галактиках, и нахождение сорока городов на карте страны давно перестало быть тайной, но режим закрытых городов оставался секретным, словно на Большой земле про них забыли. Складывалось впечатление, что в системе ЗАТО произошел программный сбой, зависание, и сколько ни подавай компьютеру команды, он их не слышит, а решает свои, непонятные пользователю проблемы.

Мэр Угорска – ну бывают же чудеса в политической жизни закрытых городов! – был избран всенародным голосованием. Если бы кто-то однажды сказал бригадиру городских ремонтных мастерских Якову Ударникову, что он будет мэром родного Угорска, он бы ни за что не поверил и подумал, что это чей-то гнусный пьяный розыгрыш. Власть как таковую он не любил, не понимал всего этого, никогда политикой не интересовался. Но между тем считал себя успешным: окончил десять классов, и не важно, что педагоги перекрестились и порадовались, когда выдавали ему аттестат с тройками.

Мать, гардеробщица спорткомплекса, пристроила его в училище – осваивать денежную, по ее мнению, профессию сварщика.

С девушками Яшка никогда не дружил, дичился их, а первый сексуальный опыт получил по пьянке в подворотне, причем лица своей избранницы не запомнил. Однажды он по просьбе матери пришел на дом к ее знакомой «подкалымить», сварить трубу на кухне. Работу он выполнил, деньги получил и от рюмочки не отказался. Хозяйка была несимпатичной, с крупным носом, который придавал ей свирепое выражение, но улыбка у нее была замечательная. Она смеялась и рассказывала забавные истории про ЖЭК, где работала техником, и придвигалась к нему все ближе и ближе. Она сама поцеловала его и начала раздеваться.

– Душ вон там. – Женщина кивнула на дверь, и ему ничего не оставалось, как встать и туда пойти.

– Немолодая, нос крючком, – мелькнула мысль.

Но после душа была еще рюмочка, потом еще, и мысль пропала.

Техник ЖЭКа, кроме квартиры в центре города, имела и дачу. На даче был недостроенный дом, росла картошка и кабачки, плодоносила облепиха. Яков дважды съездил к ней на дачу, чтобы помочь в уборке урожая, а когда она позвала в третий раз, то решительно сказала:

– Надо бы расписаться. Не обижу. Правда, и детей не рожу.

Яков молча кивнул и женился. Жена особенно его не напрягала, в саду работала одна, просила разве что картошку выкопать. К деньгам она относилась трепетно, была прижимиста и скуповата, но для мужа ничего не жалела. Деньги у Яшки всегда водились, во всяком случае, на «пузырек» хватало. В тихом семейном гнездышке он любил «посидеть» с друзьями, выпить,

расслабиться. Жена из кухни в это время стреляла злыми глазами и шевелила большим носом, но Якову уже было «хорошо», а бабский скандал он переживал легко.

– Не нравится – вернусь к матери, – в подпитии он был храбрым.

– Не нравится, что ты якшаешься с этими алкашами! – укоряла жена и как последний довод в пользу трезвой жизни добавляла: – Скажу Семен Палычу.

Семен Палыч Чистов, родной дядя Ударникова, по жизни только и делал, что вытаскивал Якова из разных неприятностей, читал нотации, учил, как жить, и почему-то считал, что Яков ему многим обязан. От этих назидательных бесед с примерами и пословицами Якова тошнило, ему хотелось послать дядю куда подальше, но он сразу вспоминал, как тот отмутузил его за украденный кошелек, – черт Яшку попутал, и не решался.

Когда в Угорске начались очередные выборы главы администрации, Семен Палыча посетила «сумасшедшая» идея. Идея была настолько неправдоподобная, но замешенная на холодном расчете, что Семен Палыч поверил в ее реальность, – двинуть на пост мэра Угорска своего племянника Якова Ударникова. Дядя никогда не рисковал своими деньгами и деньгами партнеров, но этот политический проект ему показался настолько «лакомым», что он реально ощутил перед собой горизонт новых возможностей, поэтому риск был уместен. Самое сложное в этой ситуации было убедить главную фигуру игры – Якова.

– Хочу с тобой посоветоваться, – дядя начал издали.

Яков сразу почувствовал неладное. Дядя был подозрительно добр, расположен к нему и вдруг решил что-то с ним обсудить.

– Выборы скоро.

– Ну. – Яшка не понимал, чего Семен Палыч от него хочет. – Ну выборы, каждый год кого-нибудь выбирают.

Дядя решил не церемониться – делать «па» перед племянником не имело никакого смысла. Яша никогда не был силен в политике, и сейчас вычурными прелюдиями можно было испугать его намертво, поэтому требовалось поставить родственничка перед фактом.

– Ты идешь в мэры, я вкладываю деньги в твою выборную кампанию, поддерживаю тебя. Думаю, что шансы у нас хорошие.

Яшка обомлел, чего-чего, а такого коварства он от Семен Палыча не ожидал. Племянник сначала взвыл, потом впал в ступор, чуть не плакал, но дядя был неумолим, сначала напорист и агрессивен, потом весел и много шутил. По его мнению, время как раз подошло, народ жаждет сейчас выбрать «своего» парня, и Яшка очень совпадает с ожиданием электората.

– Это больше не обсуждается, – закончил он разговор с племянником, и Яшка понял, что попал.

К удивлению, дома жена поддержала идею дяди.

– Ты способен на большее, Семен Палыч давно это разглядел.

– Замолчи, дура! Какой из меня мэр? Я ничего в этом не смыслю и не понимаю!

Пиарщики из Новосибирска – главной у них была кудлатенькая дамочка с поэтическим беспорядком на голове – всю выборную кампанию не отходили от Яши. Он чувствовал себя куклой-неваляшкой, которую случайно вынули из старой коробки с опилками: лупил глазами, отвечал заученными текстами, улыбался конкурентам и избирателям. Кудлатенькая сразу выдала ему два новых костюма, начищенные до блеска туфли, строго следила, чтобы галстуки на нем были соответствующие, тренировала, задавала каверзные вопросы, заставляла учить на них ответы. Так прошло две недели зубрежки, без отдыха, словно его дрессировали для выступления в цирке, где зверюшки по команде дрессировщика прыгают через обруч. Дядя появлялся регулярно, и Кудлатенькая перед ним отчитывалась:

– Сегодня изучали бюджет, проблемы образования, учились публичному выступлению.

– Как получается? – Семен Палыч все предпочитал контролировать.

– Двигаемся потихоньку. Очень сложный психотип.

Для Нелли Петровны, так звали Кудлатенькую, Яков представлял феномен из народа, которого нужно сделать политиком городского уровня. Исходный материал был очень плох, но хороши были деньги, которые ей регулярно платили за работу, и она трудилась не покладая рук. Это тело нужно было не просто переодеть в хороший костюм, поменять гастрономические привычки – дешевую водку на коньяк, научить приемам светского этикета, сделать это рефлексами, но и вложить что-то в голову, а последнее было самым трудным. Нелли Петровна как человек творческий чувствовала себя слегка Пигмалионом – был такой скульптор в греческой мифологии, создавший прекрасную статую из слоновой кости и обожавший свое творение, или профессором Хиггинсом, обучавшим Элизу Дулиттл.

Напрасно после выборов 2000 года кто-то стал поговаривать об отмирании профессии «пиарщика» и появлении новой страшилки для народа – административного ресурса. Хороший пиарщик не только административный ресурс грамотно использует, но и точно определит базу природных психологических характеристик и особенностей, присущих кандидату, чтобы правильно запрограммировать его портрет для народа. Конечно, Ударников не тянул на образы героев – мудреца, воина-защитника, борца за справедливость, царя-кормильца. После долгих дебатов решили остановиться на «хозяйственнике», но и этот образ, все понимали, лепить будет очень сложно.

– У него внутри много пустоты и сумятицы, – сетовала Кудлатенькая.

Однако пиар-технологии на то и существуют, чтобы желаемое выдавать за действительное. Отсутствие политического да и иного опыта решили рассматривать как свидетельство свежести и неиспорченности. Невыразительную внешность, немногословность кандидата она преподносила так:

– Не мастак вести разговоры, зато дело делает.

Из средств массовой информации – а то как же продвигать и пиарить кандидата? – выбрали газету. Газетные страницы, по мнению Нелли Петровны, будут скрывать напряженность кандидата, его колебания, реакцию на неожиданный вопрос, неровную речь, особенности внешности – словом, все то, что так беспощадно могут обнажить радио и телевидение. Будь ее воля, Нелли Петровна вообще бы не пускала Ударникова к журналистам. Он не только их пугался, шараялся, но и от любого простого вопроса приходил в замешательство. Нелли Петровна репетировала с Ударниковым часами, ответы выучивались назубок, но стоило журналистам на встрече задать вопрос чуть другого смысла, оттенка, как кандидат терялся, краснел, «зависал», впадал в состояние «столбняка», его тело деревенело, глаза расширились от ужаса. Яков не мог ни двигаться, ни мыслить, бледнел, его язык прилипал к нёбу, он молча смотрел на журналистов, замерших в ожидании, и чувствовал себя приговоренным к смерти.

Везение в его выборный штаб пришло, как всегда бывает, случайно. Глеб Пахнутый, толковый молодой человек, жадный и циничный, сам появился на пороге и предложил взять его на работу. Семен Палычу Глеб приглянулся.

– Ты посмотри внимательно на нашего кандидата, интервью с ним для местной газетки сделай. Ответы за него тоже напиши. Работу покажешь мне.

Семен Палыч был человеком деловым, за хорошую работу умел платить хорошо.

Преыдущий угорский мэр был мужиком умным, деловым, но споткнулся на серьезном чувстве, называемом любовью. Более того, полюбил он своего зама, вернее, замшу, поскольку заместитель была рода женского, и звали ее Ирина Петровна, такой вот случился провинциальный любовный конфуз. В маленьком городке слухи разносятся быстро, а когда под ними есть хоть какое-то основание, то приобретают бешеную скорость. Многие знали жену мэра Анастасию Сергеевну, которая потом стала бывшей, и, конечно, сочувствовали ей.

Ирина Петровна тоже развелась со своим мужем, мэр и замша поженились и, вероятно, решили, что оставаться в Угорске, где так хорошо известна вся их подноготная и где им так активно «мыли кости», будет неправильно для их только что созданной семьи. Молодожены

практически сбежали из города, уволились, уехали в одночасье, не простившись даже с чиновничьим аппаратом. Долго еще в Угорске пылали поленья в костре людских пересудов, но пришли новые выборы, появились новые проблемы, и про ушедших, бывших теперь вспоминали редко.

Социологические исследования, а у Семен Палыча было все по науке, показывали, что народу Ударников понравился, но немного простоват, мужиковат, немногословен. На встречах с избирателями говорила в основном Нелли Петровна как доверенное лицо кандидата. Яков где-то надувал щеки, где-то улыбался, а где и просто сидел молча, взирая на свое доверенное лицо. Его спасало то, что народу на встречи приходило мало. Местная газета пестрила его интервью, денег на выборы дядя не жалел. Глеб нашел для публикации «правильные» вопросы и отвечал на них тоже правильно.

В какой-то момент Якову вдруг понравилась суэта вокруг него.

Ему казалось, что он даже стал выше ростом, шире в плечах. Только вот с улыбкой никак не ладилось – она была вымученной, страдальческой, рот некрасиво шерился, показывая редкие зубы. Но в остальном он был собой доволен, как и жена, с удивлением наблюдающая за его сказочными превращениями. Якову нравились собственные фотографии, расклеенные по городу, где он в красной рубашке серьезно смотрел вдаль и «думал» о судьбах города, и уже забылось, как мучительно он позировал фотографу, как учащалось сердцебиение, холодели руки, становился влажным лоб. Все-таки полезная штука – пиар, хотя и дорогая!

В ночь, когда стали известны результаты выборов Угорска и Ударников обошел всех своих конкурентов в первом туре, он страшно напугался и запил. Дядя быстро его разыскал, затащил в ванну и, поливая холодной водой, зло говорил:

– Ты теперь мэр, городская икона, нельзя напиваться как свинья! Будет много работы, – и, прощаясь, произнес: – Завтра чтобы был в форме, заеду в десять, поедем на телевидение, будешь благодарить народ за доверие.

Глава 6

Семен Палыч Чистов

Семен Палыч умел добиваться желаемого. Он приехал в этот город вслед за женой, которая родилась в Угорске. Институтская красавица хотела жить под крылом у родителей, ничем себя не обременяя. Однако ее отец, известный по тем временам доктор, был других взглядов. Семен ему не очень нравился, но с выбором дочери доктор смирился.

Семен Палычу от природы досталась железная хватка, он пошел в своего отца, деревенского кузнеца, который никогда не отступал перед трудностями. Его, единственного сына среди оравы сестер, родители выучили в городе и очень гордились тем, что у Сеньки «институт за плечами».

Семен брался за любую работу, кроме нищей зарплаты инженера, он получал деньги за разгрузку ночных машин с хлебом, за разгрузку товарных вагонов. Потом, когда началась перестройка, он так вписался в это время, как будто вся «ловля рыбки в мутной воде» была организована специально для него. Продавал и покупал компьютеры, редкоземельные металлы, жвачку и кока-колу, словом, брал в оборот все, что продается и покупается.

Для семьи, жены и дочери, он построил дом, вернул тестю долги, взятые под строительство. Когда хорошо встал на ноги, на него «наехали». Три качка явились к нему в офис и, поигрывая бугристыми мышцами, пригрозили:

– Не заплатишь долю от дохода, можешь лишиться всей партии компьютеров!

Семен был не робкого десятка, в институте занимался боксом, но лезть на рожон не стал.

– Приходите через неделю, поговорим.

– Говорить с тобой не о чем. Через неделю отдашь бабки! – И назвали сумму, от которой Семен остолбенел.

Неделю он потратил на то, чтобы создать свой «отряд самообороны». Ребят подбирали по рекомендациям, и когда через неделю «качки» появились опять, они получили серьезный отпор. Во время драки были сломаны носы и ребра, а уж количество синяков никто не подсчитывал. Парни с мышцами от своих претензий отказались, но Семен теперь все время жил с чувством, что кто-то придет и заставит его делиться. Он укрепил «охрану», перевел деньги в производство молока и сыра, купил новейшее оборудование и открыл компьютерный клуб. Когда его ребята уходили из «охраны» в бизнес, он не терял с ними контактов. Семен на первых порах помогал им и даже давал в долг без процентов.

В закрытом Угорске он прижился, несмотря на то что первое время ему было странно каждый раз показывать пропуск. У них в деревне дома никогда не закрывались, а место, где хранился ключ, знал каждый. Останавливаться для досмотра на КПП – контрольно-пропускном пункте – он привык, ко всему привыкает человек. Семен Палыч привез в город младшую сестру, от которой сбежал муж, с сыном Яковом, помог с квартирой.

– Яков не нашей породы, – твердил он сестре. – Учится кое-как. Присматриваюсь к нему, но ничего путного пока не наблюдаю.

Сестра только вздыхала и молилась про себя, чтобы Семен ей продолжал помогать, одной Якова ей было не потянуть. Другие сестры осели в деревне, жили трудно, у каждой имелась своя семья.

Раз прибилась к Семену, значит, надо держаться за брата – так она думала. Брат крепко стоит на ногах.

Семейная жизнь Чистова не складывалась. Красавица-жена оказалась взбалмошной, капризной и своенравной, покупка хороших тряпок и желание отдохнуть всегда были у нее на первом месте. Он бы и пережил ее дамские выкрутасы, но она была холодна в постели. Семен

вначале даже пытался наполнить их отношения романтикой, потом махнул рукой и списал все неудачи на физиологическую несовместимость. Мужская энергия требовала выхода, и он его нашел, благо в каждом городе есть целые легионы одиноких женщин. Такие женщины отчаянно доказывали, что они могут быть сильными – водить машину, быть директором, – но все время находились в поиске «женского счастья». Их выдавали глаза, печальные и тревожные, и Семен легко их завоевывал. Он давал им самое главное – мужскую нежность и ощущение любви. Как мужчина он полностью соответствовал их представлению о герое – был высоким, приятным, образованным и честным, потому что не собирался жениться и никому ничего не обещал. У них не было к нему предложений почистить ковер или сходить за хлебом, с этим они справлялись сами, он наполнял их жизнь эмоциями и иллюзиями. Такие женщины, изголодавшись по вниманию, сексу и мужской ласке, верили в красивую сказку и были его многочисленными мимолетными увлечениями. Он даже называл их одинаково: «лапочка», и не было риска спутать одно имя с другим и нанести барышне душевную травму отношениями без будущего. Настоящее с ними Семена устраивало.

– Лапочка, конечно, я тебя люблю, – признавался он каждой, и они его боготворили.

Когда молочный бизнес Семена Палыча вдруг начал давать сбой – появились конкуренты, городской рынок сбыта был ограничен, требовалось выходить на область, чтобы удержаться на плаву, – с партнерами состоялся серьезный разговор.

– Я против выхода в область. Там высокая конкуренция, наша продукция не пойдет, плюс транспортные расходы выйдут в копеечку, – говорил один партнер. Другой добавлял:

– Надо покупать новую линию, новый завод. Оборудование стареет, мы не меняли его несколько лет.

– Давайте сначала посчитаем. – Семен был прагматиком. – Думаю, что оборудование действительно надо обновлять, но и без области мы не сможем. Снижать объемы продукции нельзя, а в Угорске продукция не расходуется. Нужно подумать о новой линейке продуктов, нужны инвестиции. Учтите, что банки повышают процент на кредиты.

К общему знаменателю на партнерской встрече не пришли, но Семен рискнул и вложил в оборудование. Он почувствовал неладное через две недели, когда запустил склад под новую продукцию и заключил договора с областью. Причины своего беспокойства Семен так и не понял, но с того дня привык доверять интуиции.

Следующей ночью ему позвонили:

– Ваш завод горит!

Он приехал, когда огонь догорел. В пепле и углях от большого костра валялись мелкие металлические осколки: трубы, бидоны, переходники. Завод исчез, растворился в пламени пожара, и доказать, что оборудование перед пожаром вывезли, было практически невозможно.

– Сгорело все подчистую, – сказал пожарный, отряхивая копоть с комбинезона. – Что же вы противопожарную безопасность не соблюдали? Тоже мне, бизнесмены! Чудилы!

Семен глотал черную пыль, и одна мысль не давала ему покоя:

– Кто?! Кто это сделал?! – И он завыл громко и протяжно, как смертельно раненный зверь.

Тогда у него остался только компьютерный клуб с мизерным доходом, а он уже привык вкусно есть, любить красивых женщин и слушать хруст денежных купюр. Существуют люди, которые при ударах судьбы сразу теряются, уходят в депрессию или запой, но это было не про Чистова. Неприятности его закаляли, делали крепче и сильнее духом. Его жизненные силы при неудачах увеличивались в геометрической прогрессии. И если судьба заставляла его делать шаг назад, то следующие шаги были только вперед, и их было неизмеримо больше.

Он начал все сначала: нашел новых партнеров с криминальным прошлым, с московскими связями, удачно провернул пару противозаконных сделок. Семен Палыч считал, что с криминальными структурами договориться легче, чем с чиновниками, да и помочь они могут прак-

тически во всем, надо лишь разово рассчитаться деньгами или договоренностями. Разово! А чиновники будут тянуть из тебя деньги всю жизнь. Они могут перекрыть бизнесменам пути развития, выжимая взятки за любые документы разрешительного характера, вот и получалось, что уголовники честнее чиновников.

Семен обновил охрану и все время думал о качественном витке, который поможет изменить ситуацию – сделать ее устойчивой и приносящей доход. Идея пришла в голову, когда он зашел в свой компьютерный клуб и наблюдал за тем, как ребята лихо управляют различной техникой – автомобилями, самолетами, моделируют военную и другую реальность. Они словно вдыхали в нее жизнь, оставаясь за кулисами. Откуда в сознании всплыло:

– Манипулируют, как политики!

Почему вдруг «политики», он не знал, но внутреннему голосу сразу поверил.

Политикой Семен Палыч особо не интересовался, он всегда думал, что политический бизнес – это прежде всего продажа и покупка партий. Он начал изучать вопрос системно и основательно, как подходил всегда к любому делу. Познакомился с пиарщиками и начал изучать политические технологии.

– Пробриться к власти сейчас невозможно, – рассуждал Семен. Он теперь хорошо ориентировался в политической ситуации Угорска.

– Это примерно как горлышко у бутылки – чем уже, тем меньше там места. К горлышку надо пробиться или тряхнуть бутылку, чтобы освободить себе место. В любом варианте есть «подводные камни».

Семен Палыч даже «соорудил» политическое движение, придумал ему название – «За народную власть!». Получилось немного длинно и витиевато, но для людей представительно.

Семен понял, что можно надеяться только на очередную «волну демократизации». Политические процессы в нашей стране непредсказуемы, набирают обороты внезапно, потом к ним добавляются ураганные ускорения, которые сметают все и вся на своем пути. Маленькие города тоже попадают в эту воронку и меняют свои политические направления, отторгая прежних лидеров, значит, ему надо подождать. Ждать и поворачивать ситуацию в свою пользу он умел. Судьба снова может дать ему шанс в Угорске, теперь это будет политический проект, и нужно делать ставку на своего, например на Якова. Самому Семену эта задача была вряд ли по плечу, слишком тяготели проблемы репутации, но ему в этой ситуации даже больше нравилась «тренерская работа». Риск был настолько велик, что он почти перестал спать, на время забыл про своих женщин, напряжение его организма и души зашкаливало, как стрелка спидометра. Семен любил изречения древних и на этот случай нашел подсказку:

«Больше всего рискует тот, кто не рискует».

Он все сделал правильно и теперь праздновал победу. Победу, которую он заслужил. Но одной победы Семену недостаточно, удачу надо удержать любой ценой.

Глава 7

Заклученный. Угорск

Пятьдесят лет назад

Заклученный вел дневник, он прятал его в наволочку, вместе с единственной фотографией. Место не бог весть какое, но пока не подводило. Ему было важно записать все, что он чувствует, видит, что происходит вокруг. Они лишили его права переписки, посадили на долгие десять лет, но не отняли разум, умение и желание писать, и он будет это делать. Им поддаться нельзя, а иначе можно сойти с ума в этом лесу.

Он так и не смог освоить «феню» – воровской жаргон, не любил играть в карты. Карты в лагере были единственным развлечением. Если фабричной колоды не находилось, заклученные изготавливали карты сами – пережевывали хлеб, из него получался великолепный клейстер. Затем из подручной бумаги, книг, картона, тетради нарезалось тридцать шесть прямоугольников стандартных размеров шестьдесят три на восемьдесят восемь. Рисунок наносился искусниками по трафарету. Заклученный понимал, что игра в зоне – это попытка разнообразить жизнь острыми впечатлениями. В лагере играли не просто так, а «под интерес». «Интересом» могла стать и человеческая жизнь. Игры всегда проходили с громкими криками, нервными срывами, конфликтами и угрозами.

Он рассказывал другим заклученным, что карты в России появились во времена Ивана Грозного, стоили дорого, их даже перевозили в специальной дубовой таре. Каждая фигура в картах – это исторический персонаж.

– Так что это не просто дама Пик, а богиня мудрости Афина, а король Бубен – Юлий Цезарь.

– Ох, умный ты, фраерок! – говорил ему «смотрящий» Мартын. – Умный не по годам, оттого и сидеть будешь долго, – вокруг засмеялись.

В зоне была четкая субординация. Мартын, пользующийся у эков авторитетом, относился к нему как к блаженному и даже однажды после утренней проверки сунул ему в карман кусок сала с хлебом.

– Хавай, а то ходишь, как скелет, обтянутый кожей.

Он действительно сильно похудел и все время хотел есть. Каша из прогнившего пшена не лезла в горло, а в супе плавала одна капуста, липкий хлеб разваливался на неровные комки. Желудок отказывался переваривать такую пищу.

Заклученный вонзился зубами в белое с розовыми прожилками сало, от беспомощности текли слезы. Он заталкивал его в рот кусками и презирал себя. Взял подачку от Мартына. Нестерпимо хотелось есть.

Заклученные строили объект «Центральный» – так назывался огромный котлован, где они работали днем и ночью. Они рубили просеку, сосны натужно скрипели, зимой – громко и протяжно, летом – тихо и неодобрительно. Здесь часто хоронили людей, на могилах ставили деревянные кресты, а если не успевали, то просто втыкали палку. За три года работы на котловане выросла роща черных палок, одни потом зарастали, заваливались от дождя и ветра, другие стойко переносили неприятности, словно ждали, что придет кто-то, положит цветы и вспомнит ушедшего в мир иной добрым словом. Заклученный уже не знал число умерших, «лагерников» за людей не считали, стране в неограниченном количестве нужны были кадры для строек.

– Здесь строится секретный город, – услышал он однажды от огепаушника, который ежедневно контролировал вверенный ему объект.

– Выход заклученных в день – пятьсот человек, – докладывал он начальству.

– Значит, еще ребят привезут, – подумал заключенный. – Тех похоронят, а других привезут, и так – до полного физического износа.

Кроме большого котлована, на стройке была еще высокая труба, дымившая ядовитым желтым клубом. К трубе посылали только «смертников». Когда дул ветер, труба сильно раскачивалась, и люди, работавшие там без страховки, падали и разбивались насмерть, и роща осиновых колов принимала новых обитателей.

Тиран проклятый, тебе – радость,
Опять хороним мы друзей.
Совсем немного нас осталось,
Танцуй и радуйся, злодей.

Глава 8

Наташа и телевидение

Угорск, наше время

Наташа уставала на работе, телевидение требовало полной отдачи. У нее все меньше оставалось сил на то, чтобы в доме царили мир и покой. Маруся поступила в музыкальную школу, и надо было покупать пианино. Возвращаясь с работы, Наташа мысленно включала «кнопку дом» и, казалось, переходила в спокойно-домашнее состояние. Утром включалась другая кнопка – «работа», ее тело наполнялось бурной энергией, и она была готова ринуться в бой. Такой психологический тренинг пока ее выручал.

– Хороший парень Саша Штерн и совет мне дал правильный, работающий, – сколько раз она мысленно его благодарила.

Коллектив, в котором работала журналист Наташа Петрова, был молодой и, как теперь модно говорить, креативный. Телевидение для всех, кто принадлежал этому сообществу, представляло тонкий и ранимый организм. В его телевизионных клеточках постоянно происходило движение, они насыщались идеями, как кислородом, делились, объединялись, намечали новые точки роста, питались информацией, многократно увеличивались в объеме, выплескивали эту информацию в реальность. Уже ее, измененную действительность, пытались освоить многочисленные съемочные группы. Мир снова распадался на множество осколков и интерпретаций, благодаря чему реальность становилась глубже, ближе и понятней. Прежние восторги и надежды могли смениться неврастенически-тоскливой зависимостью. Все это проносилось на небывалых скоростях – от мыльных опер, выступлений Кашпиrowsкого, войны в Чечне до реалити-шоу. Вот такая она, динамика телевизионной жизни, катализатор изменений и эталон происходящего.

Молодая женщина с именем Клио, что означало «прославляю» – муза литературы и искусства, которую телевизионщики лихо произвели в свои покровители, изображалась с очень выразительным, одухотворенным лицом, со свитком папируса или пергамента в руке. Она, наверное, хотела, чтобы действительно прославлялись подвиги героев и правителей, а не смаковались насилие, жестокость и подробности убийств. Но древние не могли предполагать, что жизнь будет подчиняться телевизионному рейтингу, и совсем бы не поняли, почему печальная повесть о зачарованной девушке-птице, нежное «Лебединое озеро», станет ассоциироваться у нас в стране с правительственным переворотом.

Человек любой профессии – филолог, продавец, маляр, физик, водолаз, историк, – соприкоснувшийся однажды с телевизионным организмом, был захвачен, поработан и вовлечен в его глубины, «отравлен» и «ззомбирован эфиром». Он еще не понимал, что происходит на этой шумной, яркой территории, но уже ощущал себя частью телевизионного нерва до покалывания кожи. Без получения таких импульсов человек уже не может дышать, чувствовать, двигаться, жить. В этом на первый взгляд броуновском движении, а на самом деле в гармонии, он не в силах остановиться, он все время должен брать новую высоту и положить все самые замечательные качества к ногам единственного желанного – быть первым в профессии.

«Телевидение – великий обман», – часто произносил директор и главный редактор угорского телеканала Игорь Серых, и эта мысль была абсолютно верной.

Политологи награждают телевидение пышными титулами: «великий арбитр», «четвертая власть». Телезрители искренне верят, что оно контролирует всю страну и организует в ней перемены, не подозревая, что телевидение могущественно лишь тогда, когда по «ящику» говорят то, о чем и так уже думают телезрители. Остальное все игра, политическая, рекламная, но

очередь жаждущих выиграть миллион никогда не кончается. Надежды, которые возлагаются на телеэкран, только множатся.

Наташу удручал тот факт, что телезрители путают местных журналистов с сантехниками, адвокатами, депутатами, с героем мультфильма «Аркадий Паровозов», потому что требуют немедленно заменить унитаз, убрать с газона машину и очистить двор от мусора. То, что сами жильцы могли бы провести у себя во дворе субботник или не засорять канализацию, им даже в голову не приходило.

Очередная бабушка жаловалась, что во дворе у нее убрали скамейку.

– Ноги у меня больные, иду из магазина, негде присесть. Приезжайте, посмотрите, – говорила она.

– Вы в свой ЖЭК звонить пробовали?

– Нет, сразу к вам. Уж помоги, доченька.

Наташа вздохнула и набрала номер ЖЭКа.

Критического материала про ЖЭК не получится – скамейку забрали на ремонт, объявление об этом повесили на подъезде. Бабушка, наверное, не обратила внимания на объявление, написанное мелкими буквами, информация в итоге не стоит выеденного яйца. Но что же делать, если пенсионеры привыкли по всяким пустякам звонить на телевидение, приходится соответствовать службе быстрого телевизионного реагирования – сделала она вывод.

Экран компьютера мигнул, появился вопросительный знак и вытащил за собой курсор. Сегодня по плану – три съемки, она набрасывала вопросы, помечала главное. Наташа не давала себе расслабиться, чтобы ее сознание не заполнила оглушающая пустота, которая сразу начинала выгрызать ее изнутри.

– Хватит страдать по декорации благополучной семейной жизни, – сказала она вслух. – Сделаю полезное дело – бабушке про скамейку расскажи, порадууй.

Компьютер, который она считала живым существом, вдруг моргнул и выплюнул на почту письмо с неизвестной «электронки», которое адресовалось персонально ей.

– «Не мучай нас, это подло. Оставь его в покое. За все придется платить».

В письме была картинка незнакомого человека с выколотыми глазами.

– Кошмар, – прошептала она. – Не зря меня подруга и одноклассница Светка предупредила, что не может редакция существовать без коварства и гадости!

И тут же себя одернула:

– Что же я сразу придумываю? Может, это просто спам, их нынче вон сколько развелось, не успеваешь отбиваться. Глупость, может, удалить и забыть, словно ничего не было? – Она немного подумала и решила, что обязательно расскажет Саше Штерну.

Штерн работал на телевидении последние месяцы, ждал окончательного оформления документов. Он уезжал в Израиль, на историческую родину, на ПМЖ. Отбывал он не один, а с женой Дорой и взрослой дочерью. Отъезд в другую страну нынче никого не удивляет, это не 80-е годы, когда эмигрировали в Израиль его старшие братья – словно бежали, оставив матери талоны на масло, водку и стиральный порошок.

Желание уехать сидело у старших детей в генах – их отца, врача от Бога Иосифа Штерна, сначала называли лучшим врачом СССР, а потом обвинили в сговоре с троцкистскими диверсантами. Вместе с ним на скамье подсудимых оказались его коллеги, Коган и Андрашевич. Это дело называли самым громким – вредителями были сплошь еврейские профессора-медики. Обвинение утверждало, что они действовали по заданию террористов. Иосифа Штерна забрали прямо из операционной, и он бесследно сгинул. Старшие сыновья побоялись приехать на похороны матери из политических соображений, но все время звали к себе младшего Штерна, и он наконец решился. Три месяца они с Дорой учили на курсах иврит, продали из квартиры все, что можно было продать, чтобы не тащить багаж, мечтали, как сложится их жизнь в Хайфе.

Одно только мучило Сашу Штерна: как сможет он там без любимой работы? Но показывать свои сомнения он никому не хотел.

– Наташка, на эту историю надо «забить», не разбираться с ней. Какой-то гаденыш тебе нервы портит или гадина. Он и хочет, чтобы ты сорвалась, помучилась, попереживала, а ты не поддавайся на провокацию, «забей», и все. Вот как я тебя тут одну оставлю? Боязно, пропадешь без меня... Давай я тебе для поднятия настроения анекдот расскажу.

– Абрам, где ты достал себе такой костюм?

– В Париже.

– А это далеко от Угорска?

– Ну, примерно пять тысяч километров будет.

– Подумать только! Такая глухомань, а как хорошо шьют!

– Саша, ты все свои еврейские анекдоты привязываешь к Угорску, уже заранее скучаешь, – грустно сказала она.

– Дай слово, что приедешь к нам в Хайфу!

– Какая Хайфа, Саша, я к родителям в Краснодар собраться не могу.

– Девочка, Хайфа круче Краснодара!

– А Угорска?

– Угорск пока круче. – И они расхохотались.

Происшествие на сессии не давало ей покоя, она вспоминала запрокинутое лицо Сергея, голубые жилки на руках.

– Кому же помешал Пестерев?

Наташа выделяла его среди других депутатов: он обладал какой-то особой энергетикой, внутренним светом. При встрече с ней он говорил всегда одну и ту же фразу, как будто набирал одни и те же цифры на телефоне:

– Как успехи на ниве журналистики? – Натка всегда отвечала ему «по-разному» или просто улыбалась, а однажды он изменил своей привычке и сказал:

– Какая вы красивая, Наташа, и материалы у вас тоже красивые, в общем, запишите меня в свои поклонники. Я могу рассчитывать на первую десятку?

Она так растерялась и покраснела, стушевалась, что не нашлась что ответить. Не могла же она всерьез ему сказать, что в списке ее «поклонников» – только возрастные бабушки, которые любят «Наташу из телевизора», звонят ей на работу, интересуются ее здоровьем и погодой на завтра, и что у нее кончается терпение при общении с ними! Для остальных Наташа – просто «хороший парень», но знать это Пестереву совсем не обязательно. Она, конечно, навестит его в больнице и сама попытается разобраться в том, что произошло. Ей понравилась рыжеволосая следователь Лариса Сергеевна, Наташа вообще любила женщин необычных профессий, но с журналистом все будут откровенней, чем со следствием. А там, где с ней будут осторожны, она попросит о помощи Светку, свою единственную подругу и уникальную личность – Светка разговорит кого угодно.

Вот только к мэру, пожалуй, ей не подобраться, но она изучит территорию вокруг так основательно и глубоко, что сделает выводы и про мэра. А выводы должны быть четкие. Кто имеет отношение к отравлению Сергея Пестерева? И что, интересно, обнаружило следствие при осмотре помещения? Кто и как подсыпал злосчастный глюкозид? Происшествие казалось ей нереальным – может, это вообще пищевое отравление? Такое тоже случается, и она бы с удовольствием согласилась с этой бытовой версией, если бы не одно обстоятельство: Пестерев затевал отзыв главы администрации, что было слишком серьезным ударом по власти, а власть умеет защищаться. Ударников не из тех, кто может принимать решения, значит, рядом с ним есть человек, который и отравил Пестерева. Этого человека надо вычислить, его надо найти, и она попытается помочь Сергею, не зря ведь он просился в десятку ее поклонников, а Наташка

из тех людей, которые не бросают в тяжелые времена. Ей казалось, что как раз такие времена наступили для Пестерева.

Глава 9

Сергей Пестерев

Угорские депутаты Сергей Пестерев, Дмитрий Роголин и Александр Сидоренко друзьями не были. Их скорее объединяло общее понимание политической ситуации в городе, впрочем, у каждого были свои мотивации, интересы и одно место работы – ядерный завод. Основное назначение завода, как было прописано в секретных документах, – «производство плутония для ядерного оружия».

За долгие пятьдесят лет работы завода плутония напроизводили столько, что он был уже стране не нужен, но у завода появилась новая задача: хранение того, что наработали, этого самого плутония. Объекты оборонного комплекса потихоньку выводились из эксплуатации, и завод жил непросто.

Ядерная безопасность обеспечивалась современными технологиями, специальным оборудованием и не менее специальными кадрами, обслуживающими ядерно-опасное производство, среди которых значились и местные депутаты.

Проектировщики завода в далекие годы решили защитить предприятие от возможных ядерных ударов с воздуха и разместили производство на глубине 250 метров от поверхности земли. Поэтому на работу, на завод, ехали в спецэлектричке, поезд шел минут сорок. Когда-то в электричке не возбранялось играть в карты, сколько игр повидали старые окна поезда: тысяча, двадцать одно, наполеон, мушка, стукалка, горка, тетка, безик, вездесущий дурак и, конечно, покер! Только и слышно было в электричке:

- Ходи.
- Дама.
- Другие козыри.
- Ты блефуешь!

Блефовавший не выдавал себя ни одним движением, иначе проигрыш.

Играли сменами, вагонами, парами, командами и в порыве картежной страсти совсем не замечали время в пути. Карты потом запретили, поэтому пассажирам приходилось рассматривать темные стекла да афиши заводских мероприятий, что налеплялись в вагонах во множественном количестве.

В секретных лабораториях-подземельях изучались свойства одной из самых загадочных частиц – нейтрино, которая образуется в активной зоне реактора. В глубоко залегающих геологических пластах, на заводских полигонах, хранили жидкие радиоактивные отходы.

Высокие технологии, смертельная доза облучения, ядерная безопасность – все эти понятия были так близки и так соприкасались между собой, что работники давно привыкли и к тому и к другому.

Сергей Пестерев любил свою лабораторию, где мигали лампочки на стендах, сообщая стабильные параметры химической реакции. Ему нравилось такое утро, когда в лаборатории было пусто, цветной радугой светились колбы, выгибались аллонжи, соединяя стеклянные части приборов, и даже бутылка Вульфа – простая склянка с тубусом – казалась верхом утонченности.

Он вдруг подумал, что все они, работающие на ядерном заводе и живущие в этом городе, связаны невидимой для глаза химической реакцией и, несмотря на различия химических свойств компонентов, то есть разности человеческого материала, как катионы из раствора, осаждаются одновременно.

Пестерев получил распределение в Угорск после окончания Томского института. Когда-то его родной Физтех казался схожим с Царскосельским лицеем пушкинских времен: та же

широта образования, яркие педагоги, независимость суждений, которую приходилось терпеть преподавателям общественных наук. Студент Пестерев был одним из тех, кто на семинарах сомневался в непогрешимости классиков марксизма-ленинизма.

«Как меня не отчислили за «неидеологические взгляды»!» – все время удивлялся он.

Непременными атрибутами студенческой жизни были также регулярные поездки в Москву, на практику в базовые научно-исследовательские институты, в допотопных поездах с медлительными паровозами и вагонами начала века, песни под гитару и споры до хрипа, как обустроить Россию.

Сейчас взгляды депутата Пестерева тоже идеологически хромают – не вступил он в известную партию большинства, не примкнул к либералам, а пытался остаться самим собой. Как обустроить Россию – ответа он так и не нашел.

Его воспитала бабушка. Единственная бабушкина дочь Татьяна, его мама, умерла при родах. Бабушка рассказывала, что его отец сильно горевал, завербовался на далекий Север, да так и сгинул.

– Исчез. Наверное, погиб, иначе бы обязательно дал о себе знать, – говорила бабушка.

Сергей перевез в Угорск бабушку, которая давно вышла на пенсию и требовала у него правнуков. Они продали комнату в Питере и обосновались в шикарной квартире маленького городка. Всю жизнь бабушка проработала библиотекарем, и он хорошо помнил запах своего детства – запах книг. В первом классе она привела его к себе на работу.

– Какой большой вырос мальчик! – удивлялись сотрудницы, милые тетушки в кружевных воротничках.

– Я уже первоклассник! – гордился Сережа.

– Мы пришли записываться в библиотеку, – объявила бабушка и заполнила ему настоящий формуляр с жесткими картонными корочками.

Правда, он еще слышал, как «кружевные тетки» шептались у них за спиной.

– Вырастила без матери и отца. У самой мужа не было. Жалко парнишку. Что он узнает, кроме библиотеки!

Первый их поход в библиотеку был праздником, с тех пор его формуляр только толстел. Бабушка обладала удивительным чутьем – давала ему читать то, что он непременно хотел прочесть. Сначала это были «Два капитана» Каверина, и он мечтал походить на Саню Григорьева и ненавидел Николая Антоновича, потом был Джек Лондон и вообще вся мировая приключенческая классика: и Жюль Верн, и Вальтер Скотт, и Фенимор Купер. Она научила его не только любить книгу, но и обсуждать прочитанное, и они говорили о чести, счастье, о друзьях и совсем не волновались по поводу чужого достатка и богатства.

Однажды он спросил про родителей, бабушка словно ждала этого вопроса.

– Отец был хороший человек, только слабый. Это было очень трудно – воспитать младенца без матери. Он испугался и уехал.

– А ты? Ты же не испугалась!

– Я другое дело, я сильная.

Сережа с сомнением посмотрел на худенькую бабушку.

– А мама? Какая была мама?

– Очень красивая. Она тебя любила.

– Я ее тоже любил.

– Давай я лучше расскажу тебе про твоего деда. Твой дед был настоящим человеком, ярким, самобытным.

Бабушка всегда говорила правду, и он ей верил. У бабушки получалось, что самым главным человеком в их жизни был дед. Сережа не совсем понял, что такое «самобытный», но про настоящего человека ему понравилось. Он как раз прочитал Бориса Полевого. Сережа представлял, как его дедушка взорвал фашистский штаб или дрейфовал на льдине, льдина трес-

калась, лопалась, и он исчезал в черном океане. Следующая история была про дедушку-летчика, который испытывал новый самолет, потерпел крушение и не смог катапультироваться. У мальчика накопилось много таких героических историй, бабушка не говорила, как умер дед, а Сережа не спрашивал, он видел, как ей было больно об этом говорить. Они были на этом свете только вдвоем.

Бабуля не советовала ему, какую профессию выбирать, и он определился сам: будет заниматься физикой, хотя в школе он любил самодеятельность. Педагог, который был для мальчика авторитетом, сказал:

– Физика – это серьезно, не то что песни и пляски. – Под ними учитель как раз понимал участие в школьной самодеятельности.

У них была крепкая энергетическая связь родственных душ – бабушки и внука, и он чувствовал, что сейчас она переживает отсутствие у него девушки.

– Сережа, тебе пора обзавестись семьей.

– Бабуль, ты что, мне зла желаешь?! У нас кто женился, давно разбежались.

– Не придумывай, Сережа. У меня здоровье плохое, могу не увидеть твоих детей.

– Мы так не договаривались.

В институтских девушек Сергей не раз влюблялся. Но представительницы прекрасного пола через какое-то время исчезали с его территории, а он не предпринимал активных действий для их поиска.

Марина появилась в его жизни случайно. Она сама подошла к нему на праздновании дня рождения общего знакомого и пригласила танцевать. Пестерев крепко обхватил ее талию, вел партнершу чувственно и так умело, что Марина едва переводила дух.

– Почему я не видела его раньше? – задала она себе вопрос.

У нее как раз был период «поиска партнера». Она пыталась завести роман с командированным из Москвы, что приезжал к ним на завод, но получилась просто постель без продолжения. Потом был еще один командированный, из Омска, но и там вышел «полный облом»: он готов был встречаться с Мариной наездами, но бросать семью в его планы не входило. Правда, омич оставил на память о себе драгоценности, первое время на подарки он был щедр. Когда командировки и встречи прекратились, Марина долго звонила в Омск по сотовому и слушала ответ:

– Абонент не отвечает. Абонент недоступен.

Когда на ее личном пространстве опять установилась тишина и кавалеров не просматривалось, в поле зрения оказался Пестерев. То, что он не проявлял знаков внимания после вечеринки, Марину не беспокоило.

Она сама проявляла инициативу, приглашала его в кино, в клуб и ждала инициативы от него, а он не торопился и на ее «тонкие намеки» не отвечал и не давал понять, что она ему небезразлична. Помучившись несколько месяцев, девушка решила обострить ситуацию и создать такие обстоятельства, чтобы он сделал выбор. Пестерев ей казался немного старомодным, занудным, но пока лучших вариантов не было. К тому же у него имелась прекрасная квартира в центре города, это перевешивало все недостатки.

В субботу Марина без приглашения пришла к нему домой с чемоданом.

– Сережа, в общежитии ремонт, мне пока некуда приткнуться. Можно я перекантуюсь несколько дней у тебя? – Марина сделала страдальческое лицо.

– Проходи, конечно, что-нибудь придумаем. – Она застала его врасплох, и первый раунд был выигран.

Бабушка очень удивилась, когда увидела на кухне девушку.

– Меня зовут Марина, я несколько дней у вас поживу. Сергей разрешил. – В разговоре с бабушкой она тоже проявляла инициативу.

– Сережа, это серьезно? – спросила его бабушка.

– Мммм... не знаю, – услышала в ответ. Второй раунд тоже закончился в пользу Марины. Свой чемодан она сразу поставила в комнату Сергея, и бабушка больше вопросов не задавала.

Все полгода, что Марина жила у Пестеревых, она очень старалась выглядеть образцово-показательной хозяйкой, записывала бабушкины рецепты, помогала ей готовить то, что любит Сережа, покупала продукты. Вечером она вела с бабушкой длинные беседы за чашкой чая, кивая и соглашаясь во всем. Раздражение на эту семейку нарастало, как ком. Сергей относился к ней подчеркнуто ровно, спал с ней, нахваливал ее пиццу, ходил в гости к друзьям, но ничего, что можно с натягом назвать любовью, к ней не испытывал и предложения не делал. А Марина очень хотела замуж, ее время уходило, иссякало, как песок в песочных часах.

Помогла, к ее удивлению, бабушка. Как-то вечером Марина подслушала их с внуком разговор:

– Сережа, тебе не кажется, что нахождение у нас Марины становится двусмысленным?

– Не кажется, бабуль. Меня все устраивает, Марину тоже, и не забывай, я ее не звал, она пришла сама. Ремонт в общежитии, конечно, затянулся. Хочешь, я спрошу, когда она съедет?

– Сережа, ты уже дал повод, чтобы она не просто пришла, а осталась у нас жить и, заметь, никуда уходить не собирается. Надо делать предложение.

– Не хочется, как-то не представляю ее своей женой, – честно ответил он.

– Я тоже от нее не в восторге и от ваших отношений – они нынче называются «гражданским браком». Определяйся, это не дело.

Этот разговор Марина растолковала как обещание, как надежду.

«Столько времени на него угрохала, а он еще выдывается! Не хочется, не представляю! Бабка тоже «не в восторге». Я, что ли, от вас в восторге?!» – шептала она. Никуда она отсюда не поедет. Что он про ремонт вспомнил? Не было никогда никакого ремонта в общежитии, не было! А Марина есть и будет в его квартире, осталось получить только штамп в паспорте.

Глава 10

Станислав Вабузов

У него остался неприятный осадок после Угорска, но съездить туда было необходимо, потому что он готовил выездное заседание комитета Госдумы. В повестке дня основным будет рассмотрение вопросов, касающихся закрытых административно-территориальных образований – ЗАТО, каковым был и Угорск. Нужно было почувствовать атмосферу города, пообщаться с депутатами и людьми. А оно вот как получилось!

Толкование депутатского обморока как «покушения на убийство» он не предполагал тоже, хотя в политике новичком не был.

Политическая карьера депутата Госдумы Стаса Вабузова складывалась по линейному сценарию, с присутствием нескольких поворотных точек, которые и определили его как политика. Во-первых, это был переход из вуза, где он успешно преподавал экономику, в администрацию области и пять лет работы в аппарате. Во-вторых, ему, совсем молодому, доверили руководить целой областью. Выборов в те времена не было, и Вабузова просто назначили, и у него получилось. Он собрал команду доверенных, как ему казалось, людей, работал до седьмого пота и вывел область на хорошие показатели, и он бы и дальше приносил пользу стране, но пришел период демократии, и губернаторов решили избирать.

Москва, чтобы создать альтернативу на местах, предложила свой вариант – отставного чиновника президентской администрации. Его команда, которой он верил как себе, тут же, особо не церемонясь, сдала его.

– С позицией президентской администрации нужно считаться. Можем не получить федеральных средств, а здесь есть гарантии, – сказал ему, пряча глаза, бывший заместитель.

– Мы же одна команда! За нами люди, предприятия, обязательства, родная область, наконец! – возражал он.

Это были первые в области выборы, они стали началом эпохи черных технологий, и хотя уже давно это было, сердце каждый раз саднило, когда он вспоминал свой разгромный проигрыш. Стаса Вабузова обвиняли во всех смертных грехах: в незаконном получении квартир, служебной дачи, подкупе депутатов, заключении незаконных сделок. В этот период он вообще узнал много удивительных, познавательных, невероятных фактов из своей жизни. Он приходил в бешенство от разговоров о его несостоявшейся семейной жизни, о «дочери-наркоманке и больном сыне». Стас махнул рукой на то, что его буквально «препарируют» перед населением области, но вот семью он не давал в обиду и всячески оберегал. На его семейной территории все было хорошо, царил взаимопонимание и любовь, и он очень боялся это потерять. Дочь благополучно училась в московском вузе, умная и целеустремленная, она не имела никакого отношения к наркотикам. Его любимец сын пошел во второй класс и был здоровым любознательным ребенком. Евгения Вабузова, жена, с которой он отпраздновал серебряную свадьбу, преподаватель английского в спецшколе, всегда понимала и поддерживала мужа, хотя на выборах ей досталось особенно.

– Стас, не переживай ты так! Ты же знаешь, что никаких веских оснований подозревать тебя в чем-то нет. – Она пыталась его успокоить.

– Женечка, ты не понимаешь. Оснований вообще нет, но как это доказать! Знаешь такую народную мудрость: дыма без огня не бывает? Вот люди и будут этим пользоваться.

– Стас, тебя уважают, ценят, не реагируй так! Дети живы-здоровы, это главное.

– Понимаешь, для меня победа принципиальна, я столько сил положил на область и, получается, зря?

– Не зря. Люди не против тебя, но психология такова, что им хочется обновления. Ты оставишь хороший след, с выборами жизнь не заканчивается, – говорила мудрая Женя.

– Я был уверен в своей команде, гордился! Оказалось, что никакой команды не существует – каждый сам по себе.

Стас понимал, что выборы пройдут, и дальше, в зависимости от их результата, он будет продолжать двигаться, только, возможно, дорога уже будет другой. Но он так прикипел сердцем к этому краю, к делу, что оторвать себя можно было только вместе с кожей. Он принимал участие во всех дебатах, его штаб сделал рекламные ролики и даже нашел немалые деньги на концерт столичной звезды в его поддержку. Звезда прилетела ровно на сутки, специально для прессы пила со Стасом кофе и изображала давнее знакомство.

– «Ты», – панибратски говорила ему на камеру звезда, – хороший парень, и область у тебя хорошая. Надо побеждать на выборах! – И хлопала его по плечу.

Вечером они с Женей сидели в первом ряду концертного зала, на представлении, которое давала звезда в его поддержку. В чем эта поддержка заключалась, он так и не понял. Звезда исполняла свой обычный репертуар, принимала от поклонников цветы, в перерывах курила в примерке и ругалась на Сибирь матом.

Уже потом, анализируя свои промахи на выборах, Стас понял, что никакой звезды приглашать было не надо, и дело не в том, что стоил этот эпатаж кругленькую сумму. Звезда была инородным телом, которое вызвало любопытство и очередные пересуды населения про ее богемную жизнь, но не добавило ему очков как кандидату.

– Все, хватит возвращаться даже в мыслях туда, где тебя не ждут, – успокаивал он себя. Все сложилось, как и должно было сложиться. Женя преподает в столичной спецшколе, дочь устроилась в солидную компанию и постоянно летает за границу. Ее молодой человек работает вместе с ней, они живут «гражданским браком», хотя Стас никогда не понимал, зачем проверять чувства, ведь сразу понятно, твой человек или нет. Но в личные дела дочери он предпочитал не вторгаться.

Сын поступил в Академию МЧС и будет первым военным в истории их рода, что совсем неплохо, а то одни ученые и учителя. Своим нынешним положением депутата Госдумы он в принципе был доволен, но если вдруг судьба сделала бы экзерсис и снова закинула его в Сибирь, Вабузов стал бы абсолютно счастливым человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.